

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-156-165

ДЕТСКИЕ ОБРАЗЫ В РАССКАЗАХ А. Т. АВЕРЧЕНКО: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

Салова О.И.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается один из вариантов классификации детских образов в рассказах А.Т. Аверченко. Основанием для выделения нескольких групп образов становятся особенности стиля воспитания детей, а также их поведения и мировоззрения. В статье рассматривается ряд характерных для прозы А.Т. Аверченко приёмов – в частности, гиперболизация действительности, увиденной глазами ребёнка. Проводится сопоставление детских и взрослых образов, устанавливаются смысловые параллели с текстами произведений других авторов. Делается вывод о необходимости подробного исследования структуры детских образов в прозе А.Т. Аверченко.

Ключевые слова: классификация, детские образы, стиль семейного воспитания, автор-рассказчик, гиперболизация.

IMAGES OF CHILDREN IN A. AVERCHENKO'S STORIES: TO THE QUESTION OF POSSIBLE CLASSIFICATION

O. Salova

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. In the article, one of options of classification of images of children in A. Averchenko's stories is considered. Features of educational styles as well as children's behavior and outlook become the basis for allocation of several groups of images. The paper presents a number of methods, characteristic of A. Averchenko's prose, – in particular, an exaggeration of the reality seen by child's eyes. Comparison of children and adult images is carried out, semantic parallels with texts of works of other authors are established. The conclusion is made that there is a need of detailed research of structure of children's images in A. Averchenko's prose.

Keywords: classification, children images, style of family education, author-story-teller, exaggeration.

Творчество Аркадия Тимофеевича Аверченко представляет собой яркую страницу в истории русской литературы начала XX века. На протяжении последних лет появился целый ряд работ, связанных с этим именем. Среди них есть и биографические [8], и лингвистические [10], [12], и литературоведческие исследования [2], [4].

Рассматривая в своей статье рассказы А.Т. Аверченко, мы хотели бы обратиться к образам детей, поскольку их значение для художественного мира писателя очень велико. Нельзя сказать, что эта тема совершенно обойдена вниманием литературоведов. Так, можно назвать, например, работу А.В. Коротких [6], в которой идёт речь о детских образах в прозе трёх авторов-сатириков: Саши Чёрного, А.Т. Аверченко и Тэффи. Герои Аверченко представлены здесь в рамках сравнительно-сопоставительного анализа. Между тем, необходимо, как нам кажется, подробный разговор об особенностях индивидуально-авторского восприятия образа ребёнка в прозе писателя.

В соответствии с этим следует признать: мир детства для Аверченко включает в себе огромную ценность. Ребёнок с его непосредственностью, искренностью вызывает у автора улыбку умиления и радости, поэтому сам тон повествования в рассказах о детях снисходительно-ласковый, не имеющий ничего общего с назидательностью и менторством.

Писатель всегда с интересом, нередко и с восхищением наблюдает за своими маленькими героями. Каждая встреча с ними заставляет автора-рассказчика (и читателя тоже) задуматься: почему же взрослым не удаётся сохранить такую чистоту помыслов, убеждений, простоту общения с миром и возможность по-настоящему чувствовать?

За редким исключением, в рассказах Аверченко мир детей и мир взрослых – понятия-антагонисты, противопоставленные по многим параметрам, среди которых – отношение к жизни, людям, к самому себе. Эти понятия со-

относятся, когда необходимо показать подчас разрушительное влияние старших на младших.

Каждый взрослый человек в «детских» рассказах Аркадия Тимофеевича Аверченко ставит себе целью воспитать ребёнка, своего или чужого, привить ему определённый стиль поведения, научить хорошим манерам, сделать культурным. Методы, выбранные для достижения этой цели, и достигнутые героями результаты являются объектом рассмотрения в данной статье.

На основании подобного типа взаимоотношений – воспитателя и воспитанника – вполне возможно, как нам представляется, составить классификацию детских образов в рассказах писателя. Для реализации этой задачи следует рассмотреть некоторые психологические особенности поведения детей.

Известно, что важнейшей характеристикой семейного воспитания является его стиль. Стили семейного воспитания – установки и соответствующее поведение родителей, которые не связаны именно с данным ребёнком, а характеризуют отношение взрослых к детям вообще [5, с. 320]. Как определяют учёные, существует три стиля семейного воспитания – авторитарный, демократический и попустительский [5, с. 320].

Однако, поскольку воспитание – «процесс, обеспечивающий не приспособление растущих людей к наличным формам бытия, не подгонку под определённый стандарт, но целенаправленное развитие каждого ребёнка как человеческой индивидуальности» [11, с. 76], следует отметить, что границы стилей не являются чёткими и опре-

делёнными в связи с проявлением воспитанниками характерных только для них черт, которые в глазах воспитателей являются допустимыми и не противоречащими принятым в обществе нормам.

Характеры детей, представленные в рассказах Аверченко, можно разделить на несколько условных групп в соответствии со стилями семейного воспитания.

Примером авторитарного воздействия старших является первая группа – это дети, полностью находящиеся под влиянием родителей и прочих значимых взрослых. В связи с этим можно вспомнить трёх маленьких девочек из рассказа «Душистая гвоздика» [1, с. 391-393].

«Крохотная девочка Ленка» [1, с. 391], «чем-то больно» обиженная мамой, собирается уйти из дома, но встаёт у калитки, заметив «самое страшное, самое непреодолимое препятствие: в десяти шагах от ворот лежала большая тёмная собака» [1, с. 391]. «Горемычной Ленке» [1, с. 391] ничего не остаётся, кроме как вернуться домой, где её поджидают свидетели её героического шага. Она ещё не понимает, что можно как-то иначе отстаивать свою независимость, потому что унижение у неё ассоциируется с язвительностью матери. Несмотря на явное сочувствие автора-рассказчика (а он не только является свидетелем событий, но даже вступает с девочкой в диалог), мы видим, что мама не делает попыток остановить дочку – она совершенно уверена в своей правоте, и чувства ребенка её не беспокоят.

Аверченко заставляет нас задуматься о том, что происходило в душе ребёнка, стоящего у ворот, испуганного

и растерянного: «Разве знаем мы, что пережила она в эти восемь минут?» [1, с. 392]. Никакой воспитательный процесс не оправдывает унижения личности, особенно в столь нежном и ранимом возрасте, каковым является детский.

О проблемах, связанных с личностью самих взрослых, воспитывающих детей, говорил М.Е. Салтыков-Щедрин: «Дети ничего не знают о качествах экспериментов, которые над ними совершаются, – такова общая формула детского существования. Они не выработали ничего своего, что могло бы дать отпор попыткам извратить их природу. Колея, по которой им предстоит идти, проложена произвольно и всего чаще представляет собой дело случая.

Не все родители обязательно опытные и разумные; не все педагоги настолько проникательны, чтоб угадать природу ребёнка, вверенного их воспитанию. По большей части, в этом деле господствует полное смешение, которое способно извратить даже наиболее счастливо одарённую детскую природу» [9, с. 105].

Таким образом, писатель уверен, что ребёнок находится подчас в совершенно зависимом положении – он обязан подчиняться воспитателям, чья компетентность часто не доказана, а методики обучения построены без учёта характерных особенностей конкретной личности, её темперамента и предпочтений.

При таких условиях ребёнку нечего противопоставить педагогической системе, в которой он находится, и положение часто усугубляется абсолютной убеждённостью родителей в своей правоте и непогрешимости; в том, что

они действуют исключительно в интересах своего любимого чада.

«Другая девочка, – продолжает автор, – отличалась тем, что превыше всего ставила авторитет старших» [1, с. 392]. Следствием авторитарного воспитания, которое подавляет любые проявления личности, явилось то, что малышка решила: взрослые непогрешимы, не совершают ошибок: «что ни делалось старшими, в её глазах всё было свято» [1, с. 392]. Поэтому, когда «её брат, весьма рассеянный юноша» [1, с. 392], увлекшись чтением, поджёт кресло, «утомительное дитя» [1, с. 392] решило, «что это нужно брату из каких-нибудь высших соображений» [1, с. 392].

Мы видим, что девочке даже не пришло в голову оспаривать действия брата Данилы: природная робость сочетается тут со вполне очевидным стилем воспитания – нельзя мешать взрослым, надо их беспрекословно слушаться, не лезть со своими замечаниями, пока тебя не спросят. Трудно судить о том, как относятся родители к девочке, но то, что они строги с малышкой и исключают любые проявления воли и самостоятельности с её стороны, очевидно.

Третья маленькая девочка, очаровательная Любочка, отказалась молиться во время молитвы своего братишки. «Заковыристый ребёнок» [1, с. 393] так объяснил свои действия «умилённой няньке»: «Не могу же я лезть, когда Бог сейчас Борей занят!» [1, с. 393].

В данном случае самое святое, что может быть у человека – образ Бога – в голове ребёнка ассоциируется с образами взрослых людей, которых нельзя отвлекать от важных дел. Возможность обращения к Богу с молитвой – неотъ-

емлемая часть духовной жизни любого человека, и каждый знает, что святое таинство молитвы не может иметь временных или прочих ограничений, ибо это потребность души.

Родители, пытаясь привить девочке определённую культуру поведения – не перебивать, не мешать, не отвлекать, забывают о том, что дети не мыслят абстрактными категориями, и полученные поведенческие установки воспринимают буквально. Кроме того, культура – это часть духовного мира человека, и без веры этот мир будет скудным и ущербным, поскольку именно вера помогает развить чувство любви ко всему окружающему.

Потребность в вере и восприятие божественного образа в связи с типом воспитания описывает М. Горький в своей автобиографической трилогии: «Бабушкин Бог был понятен мне и не страшен, но пред Ним нельзя было лгать, – стыдно. Он вызывал у меня только непобедимый стыд, и я никогда не лгал бабушке» [3, с. 71]; «Дедов Бог вызывал у меня страх и неприязнь: Он не любил никого, следил за всем строгим оком, Он, прежде всего, искал и видел в человеке дурное, злое, грешное. Было ясно, что Он не верит человеку, всегда ждёт покаяния и любит наказывать» [3, с. 77].

Взаимосвязь воспитания и поведения очевидна: с бабушкой мальчик добр и искренен, а деда боится. Маленькая девочка Любочка всей душой стремится к Богу, но боится Его разгневать своей назойливостью и невоспитанностью.

Таким образом, можно сделать вывод: если ребёнок постоянно испытывает давление со стороны взрослых, то его духовный мир оскудевает, а

детская непосредственность постепенно уступает место робости, застенчивости, нежеланию развиваться как личность, поскольку любое проявление собственной воли может вызвать осуждение и неодобрение старших.

Вторая группа детских характеров, представленных в рассказах А.Т. Аверченко, – это дети, которые ощущают поддержку родителей, но при этом показаны в ситуациях, комически описывающих «жестокость» этих самых родителей или их взрослых, как правило, весьма пошлый и грубый мир.

Демократичный стиль воспитания, когда ребёнка ставят в определённые рамки, но не стесняют при этом его личной свободы, описан в рассказах «Блины Доди», «Человек за ширмой», «Под столом», «О детях». Родители разрешают маленьким героям самостоятельно познавать мир, помогая пережить беды и разочарования.

О маленьком мальчике по имени Додя мы сразу узнаём следующее: «у Доди было своё настоящее имя, но оно как-то стёрлось, затерялось, и хотя этому парню уже шестой год – он для всех Додя, и больше ничего» [1, с. 303]. Однако затем автор подробно описывает его характер, свидетельствуя о том, что мальчика не пытаются перевоспитать, игнорируя его природные особенности: «Он любит всё приятное и с гадливостью, омерзением относится ко всему неприятному; в восторге от всего сладкого; ненавидит горькое, любит всякий шум, чем бы и кем бы он ни был произведён; боится тишины» [1, с. 304].

Самой забавной характеристикой мальчика является ещё «одна черта: он – страшный приобретатель» [1, с. 305]. Автор повествует: увидев и ус-

лышав нечто любопытное, красивое или непонятное, ребёнок говорит про себя: «Хочу, чтоб это было моё». Абсолютно неважно, о чём идёт речь – о лошади, доме, первом снеге или камнях в печени. Последнее Додя пожелал присвоить, подслушав разговор матери и отца. Подобная мечта приводит автора, любующегося простодушием малыша, в восторг: «Славный, бескорыстный ребёнок» [1, с. 305].

Ожидание чуда – блинов – заставляет мальчика восхищаться богатым убранством стола для гостей, быть ласковым с кухаркой и даже воровать для неё папиросы – только бы «всемогущая кухарка не раздумала бы почему-нибудь делать блины» [1, с. 306].

Гиперболизация мира глазами детей – отличительная черта рассказов Аверченко. Например, «для пятилетнего ребёнка протёкший год – это что-то такое громадное, монументальное, что, как Монблан, заслоняет от его глаз предыдущие четыре года» [1, с. 305]. Всё мальчику кажется невероятно большим, и тот мир, который он познаёт, может подавлять или вдохновлять его своими размерами.

Обманутые ожидания – блины оказались невкусным и самым обычным блюдом – оказываются для Доди бедой вселенского масштаба. Никакие уговоры не действуют, слёзы переходят в рыдания. Автор сочувствует маленькому герою и возмущается миром взрослых: «Как они не хотят понять, эти тупоголовые дураки, что Доде блины просто не нравятся, что Додя разочаровался в блинах, как разочаровывается взрослый человек в жизни» [1, с. 308].

Несмотря на то что мальчика выгоняют из-за праздничного стола, мама и

папа не сердятся на него и после ухода гостей пытаются ласково утешить сына. Мы понимаем, что ребёнок смог пережить своё горе, когда он, реагируя на рассказ родителей о предполагаемой дуэли знакомых, повторяет свою коронную, продиктованную «приобретательским инстинктом», фразу: «Хочу, чтоб мне было оскорбление действием» [1, с. 308].

Аверченко подчёркивает безмятежность жизни ребёнка в родительском доме: спокойная и уютная комната, «тихо мерцает в детской красная лампадка» [1, с. 308]. Тот самый Бог, который маленькой Любочке из-за сурового воспитания кажется строгим взрослым, для Доди, выросшего в любви, является утешителем и защитой от будущих бед, ведь, несмотря на успокоение, наступившее после разочарования, «ещё слегка пахнет всепроникающим блинным чадом» [1, с. 308]. Тем самым автор словно указывает нам на те жизненные испытания, которые ещё предстоят мальчику и пережить которые ему помогут любовь родителей и милостивый Бог.

Третья группа образов в произведениях А.Т. Аверченко – это «неприкаянные» [1, с. 330] дети, которые служат взрослым досадной помехой или, наоборот, средством достижения цели, иногда довольно неприглядной и низкой. Подобный стиль воспитания подразумевает полное равнодушие к ним родителей, нежелание заниматься их проблемами и развитием. Своеобразное попустительство – делай всё, что хочешь, только не мешай – приводит к разрушению семьи, потому что все её члены существуют как бы обособленно, без должной психоэмоциональной связи.

Такую ситуацию автор описывает в рассказах «День делового человека», «Грабитель», «Володька», «Вечером».

Маленькая девочка Ниночка, героиня рассказа «День делового человека», кроткая, доверчивая, по-взрослому одинокая. Аверченко проводит её по замкнутому кругу общения с домочадцами, и циклическая структура рассказа создаёт у читателя впечатление безысходности положения ребёнка.

День малышки начинается с общения с нянькой, которая готова на любые ухищрения, дабы «отвязаться на полчаса от Ниночки, чтобы на свободе выпить чаю со сдобными сухариками» [1, с. 324].

Результатом становится прогулка, во время которой на Ниночку «обрушился, пожалуй, самый тяжёлый удар: некто, именуемый Колькой, сочинил на неё преядовитый стихотворный памфлет» [1, с. 324].

Гиперболизация переживаний ребёнка, которому сиюминутное горе кажется непоправимым: «сердце болит, как прожжённое раскалённым железом, и жить не хочется» [1, с. 324], вызывает у читателя улыбку. Но у девочки от глупого стишка «солнце померкло», «весь мир окрасился в самые мрачные тона» [1, с. 325]. И вскоре становится понятно, что автор таким образом подчёркивает искренность и открытость детской души, восхищается чистотой помыслов маленькой героини, её умением принимать всё близко к сердцу и по-настоящему страдать.

Придумав ответный «памфлет», девочка репетирует «жгучие огненные строки», и «кроткое личико её озаряется неземной радостью» [1, с. 326]. Все переживания героини отражаются на её «простодушном, наивном лице»

[1, с. 327], и Аверченко восхищается умением детей с такой непосредственностью выражать свои чувства.

«Отомстив» мальчикам, девочка возвращается к няне, но та отправляет её к старшей сестре. Четырнадцатилетняя Лиза отсылает девочку к папе, тот – обратно к Лизе, Лиза – к кухарке, кухарка – к няне. Круг замкнулся. Ни у кого нет времени на «исполнительную», «покорную» [1, с. 327] девочку, и «ни одной минуты Ниночке не приходит в голову, что от неё хотят избавиться» [1, с. 328].

У каждого из домочадцев находится для малышки «ответственное поручение», которое она «с видом домохозяйки-хлопотуньи» [1, с. 328] спешит исполнить. Никому не интересен результат задания, ибо все взрослые преследуют лишь одну цель – отделаться от девочки. Один только раз Ниночка находит «настоящий приветливый приём» [1, с. 330]: её тётя, Вера, просит девочку остаться в её комнате. Но присутствие ребёнка необходимо женщине исключительно на время визита поклонника. Когда он уходит, Нину немедленно гонят прочь.

Только в конце рассказа мы узнаём, почему девочке так важно весь день хлопотать: после смерти матери ей необходимо чувствовать себя нужной, ощущать, что на её хрупких плечиках держится дом. Вечером, помолвившись о покойной матери – по настоянию няньки, как пишет Аверченко, – Ниночка пытается определить своё место в мире взрослых, отвергающих её. «А что, если и я помру? Кто тогда всё делать будет?» [1, с. 331], – думает неприкаянная малышка. Ребёнок способен к рефлексии, и защитный механизм, включивший модель поведения забо-

тящейся о доме серьёзной женщины, помогает девочке не чувствовать себя брошенной и одинокой.

Рассматривая характеры, созданные писателем, мы можем выделить ещё одну, четвёртую, группу образов. Речь идёт о детях, живущих самостоятельной, практически взрослой жизнью, потому что по стилю поведения и характеру переживаний они сближаются со взрослыми людьми. В данном случае можно сказать, что индивидуальность ребёнка берёт верх над воспитательной системой. Таков, например, герой рассказа «Продувной мальчишка».

Перед Рождеством, узнав от матери, что ёлку им купить не на что, маленький мальчик Володька решает, что ёлку он всё-таки «устроит». Сумев заработать на ёлочку и подарки для мамы и себя, Володька остаётся ребёнком – наивным, смешным, милым. Он способен на составление «хитрых стратегий» бизнеса – прийти в ресторан и знать, что если громко зареветь, то точно не выгонят; прийти в кино-театр и выменять программку, потому что красивая барышня с офицером его пожалели. При этом герой – и автор неоднократно подчёркивает это – ни разу не опускается до унижительного попрошайничества. Чувство собственного достоинства, честность, умение заботиться о близких – все эти качества в полной мере присущи маленькому Володьке, и мы видим, как дороги писателю эти черты в характере его героя – «продувного мальчишки».

Пятая группа образов – это фантазёры и мечтатели, герои таких рассказов, как «Смерть африканского охотника» и «Костя». Сюда же можно отнести и героев, которые получили (на время)

полную свободу от родительской опеки и возможность делать то, что им хочется, как в рассказе «Дети».

Главный герой рассказа «Смерть африканского охотника» – отчаянный фантазёр, увлечённо читающий «двух своих любимцев: Луи Буссенара и капитана Майна Рида» [1, с. 281]. Автобиографический характер этого произведения, во многом перекликающегося с рассказом «Отец», вполне очевиден. Возвращаясь к своим детским годам, проведённым в Севастополе, писатель вспоминает: «Проза жизни тяготила меня. Я уходил на несколько вёрст от города и, пролеживая целыми днями на пустынном берегу моря, у подножия одинокой скалы, мечтал...» [1, с. 281].

Не удивительно, что и поход в зверинец, приехавший в город, мальчик поначалу воспринимает как волнующее приключение – тем более, что отец с восторгом говорит ему: «– Понимаешь – львы есть! Тигры! Крокодил! Удав! <...> Вот это, брат, штука! Индеец там есть – стрелок, и негр» [1, с. 282]. Однако позже герой признаёт, что «рассуждал, так сказать, академически» [1, с. 284], ведь индеец не снимал скальп со зрителей, негр не поджаривал «на костре мучного торговца Слуцкина» [1, с. 284]: ничего подобного не происходило.

Разочарование мальчика достигает апогея, когда актёры балагана приходят в гости к его отцу. Индеец, негр и хозяин зверинца ведут себя, как обычные люди, что не может удовлетворить героя, мечтающего о славных пиратских подвигах. Результатом столкнове-

ния с действительностью становится разочарование: мальчик закапывает любимые книжки, заключая: «Пиратов не было и не могло быть; не должно быть. Мальчик умер. Вместо него – родился юноша» [1, с. 286].

Однако последняя фраза рассказа: «В слонов лучше всего стрелять разрывными пулями» [1, с. 286] – свидетельствует о том, что разочарованный мальчик, превратившийся в юношу, не забыл свои мечты о путешествиях и дальних странах.

Подводя итоги сказанному, хочется отметить, что пять условных групп детских образов в рассказах А.Т. Аверченко были выделены нами с учётом особенностей стиля семейного воспитания. В перспективе рассмотрение детских образов даёт нам возможность предложить целый ряд классификаций рассказов на основе анализа композиции, поэтики, образной системы. Наличие в большинстве рассказов образа автора, так или иначе причастного к описываемым событиям, позволяет говорить о возможной классификации по степени участия рассказчика.

Пристального внимания заслуживает и речевое поведение юных героев, которое часто является воспроизведением в сатирически заострённой форме оценочных суждений взрослых.

Таким образом, исследование рассказов Аркадия Тимофеевича Аверченко, посвящённых детям, представляет собой, на наш взгляд, одно из актуальных направлений современного литературоведения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверченко А. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 544 с.
2. Богданова М.В. Проблема жанрового своеобразия литературного и публицистического творчества А.Т. Аверченко: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000.

3. Горький М. Детство. В людях. Мои университеты. Петрозаводск: Изд-во «Карелия», 1970. 568 с.
4. Егорова Н.С. Художественное своеобразие женских типов в прозе А.Т. Аверченко: образ девочки // Казанская наука. 2014. № 4. С. 151-156.
5. Коджаспирова Г.М. Педагогика: учеб. для студ. образоват. учреждений сред. проф. образования. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. 352 с.
6. Коротких А.В. Детские образы в юмористической прозе Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Южно-Сахалинск, 2002.
7. Кузьмина О.А. Рассказы А.Т. Аверченко. автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003.
8. Миленко В.Д. Аркадий Аверченко. М.: Молодая гвардия, 2010. 327 с.
9. Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. М.: Правда, 1980. 576 с.
10. Соловьёва О.И. Фразеологические единицы как средство создания комического в произведениях А.Т. Аверченко и Н.А. Тэффи: дисс. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2001.
11. Психологический словарь / авт.-сост. В.Н. Копорулина, М.Н. Смирнова, Н.О. Гордеева, Л.М. Балабанова; под общей ред. Ю.Л. Неймера. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. 640 с.
12. Щербакова А.В. Лексико-фразеологические средства создания языковой игры в художественной прозе «Сатирикона» (На материале произведений А. Аверченко, Н. Тэффи, С. Чёрного): дисс. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007.

REFERENCES:

1. Averchenko A. Maloe sobranie sochinenii [Small work collection]. SPb., Azbuka, Azbuka-Attikus, 2014. 544 p.
2. Bogdanova M.V. Problema zhanrovogo svoeobraziya literaturnogo i publitsisticheskogo tvorchestva A.T. Averchenko: avtoref. diss. ... kand. filol. n [The problem of genre originality of literary and journalistic works of A. Averchenko: abstr. of thesis of candidate of Philological sciences]. Krasnodar, 2000.
3. Gor'kii M. Detstvo. V lyudyakh. Moi universitety [Childhood. In people. My universities]. Petrozavodsk, Izd-vo «Kareliya», 1970. 568 p.
4. Egorova N.S. Khudozhestvennoe svoeobrazie zhenskikh tipov v proze A.T. Averchenko: obraz devochki [The artistic originality of feminine types in the prose of A. Averchenko: the image of a girl] // Kazanskaya nauka. 2014. no. 4. pp. 151-156.
5. Kodzhaspirova G.M. Pedagogika: ucheb. dlya stud. obrazovat. uchrezhdenii sred. prof. obrazovaniya [Pedagogy: textbook for stud. institutions of mid. prof. ed.]. M., Humanit. izd. center VLADOS, 2003. 352 p.
6. Korotkikh A.V. Detskie obrazy v yumoristicheskoi proze Sashi Chernogo, A. Averchenko i Tefi: avtoref. diss. ... kand. filol. n. [Children's images in Sasha Cherny, A. Averchenko and Taffy's comic prose: abstr. of thesis of candidate of Philological sciences]. Yuzhno-Sakhalinsk, 2002.
7. Kuz'mina O.A. Rasskazy A.T. Averchenko: avtoref. diss. ... kand. filol. n [A. Averchenko stories: abstr. of thesis of candidate of Philological sciences]. Tver, 2003.
8. Milenko V.D. Arkadii Averchenko [Arkady Averchenko]. M., Molodaya gvardiya, 2010. 327 p.
9. Saltykov-SHC Hedrin M.E. Poshekhonskaya starina [Poshehonsky old time]. M., Pravda, 1980. 576 p.
10. Solov'eva O.I. Frazеologicheskie edinitsey kak sredstvo sozdaniya komicheskogo v proizvedeniyakh A.T. Averchenko i N.A. Tefi: diss. ... kand. filol. n. [Phraseological units as

a means of creating a comic in the works of A. Averchenko, N. Taffy: thesis of candidate of Philological sciences]. Magnitogorsk, 2001.

11. Psikhologicheskii slovar' [Psychological dictionary]. Rostov-on-Don, Feniks, 2003. 640 p.
12. Shcherbakova A.V. Leksiko-frazeologicheskie sredstva sozdaniya yazykovoi igry v khudozhestvennoi proze «Satirikona» (Na materiale proizvedenii A. Averchenko, N. Teffi, S. Chernogo): diss. ... kand. filol. n [Lexico-phraseological means of creating a language game in fiction «Satyricon» based on the works by A. Averchenko, N. Taffy, S. Cherny: thesis of candidate of Philological sciences]. Ivanovo, 2007.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Салова Ольга Ильинична – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета (МГОУ);
e-mail: savi85@yandex.ru

INFORMATION ON THE AUTHOR

Olga Salova – the applicant of an academic degree of candidate of Philological Sciences, Department of the Russian literature of the 20th century, Moscow State Regional University;
e-mail: savi85@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Салова О.И. Детские образы в рассказах А.Т. Аверченко: к вопросу о возможной классификации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 156-165.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-156-165

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

O. Salova. Images of children in A. Averchenko's stories: to the question of possible classification // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 156-165.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-156-165